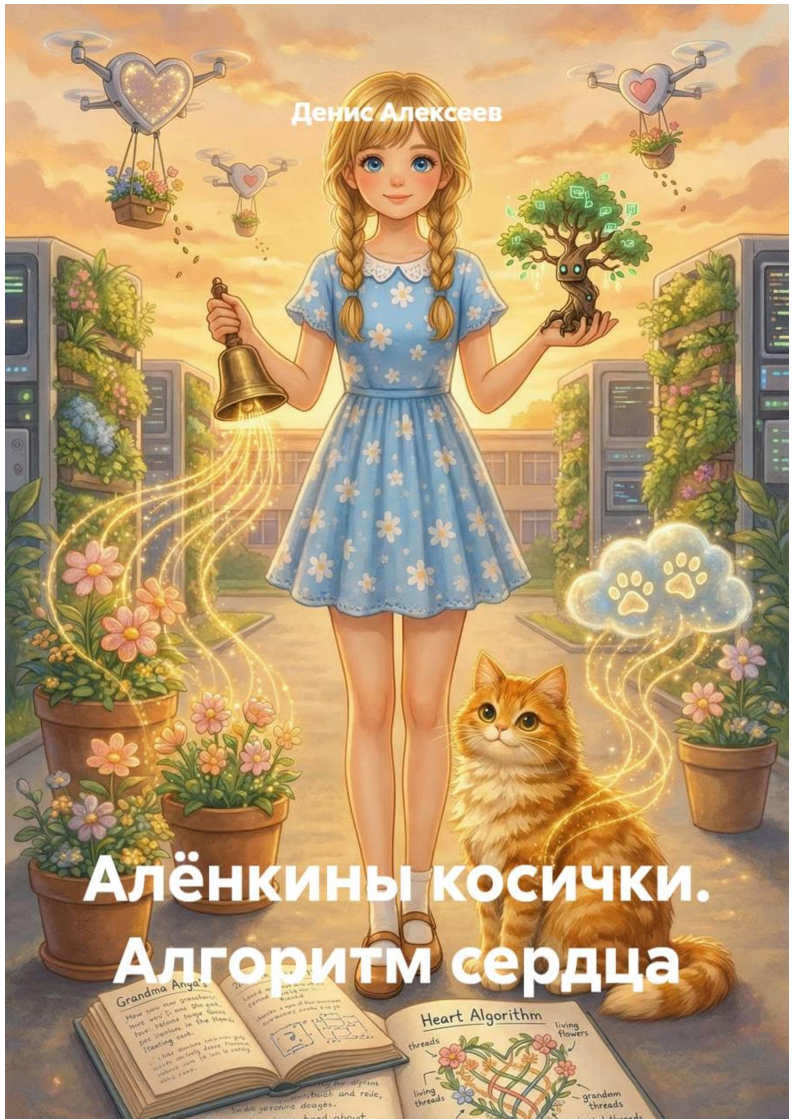

Денис Алексеев

Алёнкины косички. Алгоритм сердца

Денис Алексеев
Алёнкины косички.
Алгоритм сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73089443

SelfPub; 2026

Аннотация

Четвертая книга из серии "Алёнкины косички".

Алёнке тринадцать, и мир вокруг неё стал сложнее: квантовые компьютеры в классах, нейроинтерфейсы читают мысли, а алгоритмы решают, кто достоин славы. Вместе с друзьями – Лёвой, создающим этичные ИИ, Соней, борющейся с цифровой славой, и Мишей, защищающим живую природу от роботов, – Алёнка ищет баланс между технологиями и человечностью. Когда умирает бабушка Аня, а Барсик погибает под колёсами машины, девочка сталкивается с пределами цифрового бессмертия. В эпоху фейков и нейроуправления она создаёт «Алгоритм сердца» – систему, которая учит слушать не данные, а чувства. А её первая любовь к Илье, рисующему комиксы, напоминает: самые важные решения рождаются не в процессорах, а в сердце. На выпускном в восьмом классе, расплетая золотистые косички, Алёнка понимает: взросление – это не потеря детства, а обретение мудрости, которая видит человека за цифрами.

Содержание

Глава первая. Квантовый мозг Лёвы	4
Глава вторая. Соня против алгоритмов славы	11
Глава третья. Миша и дерево-робот	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Денис Алексеев

Алёнкины косички.

Алгоритм сердца

Глава первая.

Квантовый мозг Лёвы

Утро в восьмом классе началось с необычного объявления. Директор Мария Семёновна вошла в класс с загадочной улыбкой и представила высокого мужчину в строгом костюме.

– Ребята, познакомьтесь: это Игорь Викторович, руководитель лаборатории квантовых технологий. Сегодня он расскажет о будущем образования.

Игорь Викторович включил проектор, и на экране появилась сложная схема с переплетающимися линиями и цифрами.

– Через год в нашей школе появится первый квантовый компьютер для обучения, – объявил он. – Он ускорит усвоение знаний в десять раз. А сегодня мы покажем пробную версию – нейроинтерфейс «Квантовый мозг».

В классе загудели. Алёнка обменялась взглядом с Лёвой.

Его глаза горели азартом – он мечтал о таких технологиях с тех пор, как в шестом классе создал «Человечный ИИ» для социальных служб.

– Кто хочет первым протестировать систему? – спросил Игорь Викторович.

Лёва вскинул руку так быстро, что чуть не уронил тетрадь. Игорь Викторович кивнул одобрительно:

– Отличный выбор. Твой проект по этике алгоритмов произвёл на нас впечатление. Думаю, ты оценишь наши разработки.

После уроков Лёва с гордостью показал Алёнке и друзьям свой новый нейроинтерфейс. Это была лёгкая повязка с тонкими электродами и миниатюрным экраном у виска.

– Смотри, – сказал он, включая устройство. – Я выучил весь учебник по химии за час. Система создаёт нейронные связи молниеносно. Даже формулы запоминаются сами собой.

Алёнка насторожилась. Она помнила их прошлый опыт с нейроочками в шестом классе, которые анализировали эмоции без разрешения.

– А что с твоими воспоминаниями? – осторожно спросила она.

– Всё отлично! – уверенно ответил Лёва. – Система оптимизирует мозговую деятельность. Удаляет ненужные данные – например, старые пароли или названия уроков из младших классов.

Соня, сидевшая рядом, вздохнула:

– Значит, ты забудешь, как мы в четвёртом классе пели в школьном спектакле? Или как в пятом спасали кошек от наводнения?

Лёва махнул рукой:

– Это же не важно для учёбы. Зато я стану лучшим в классе по всем предметам!

Но через неделю случилось неожиданное. На уроке истории Лёву спросили о походе Наполеона в Россию. Мальчик уверенно начал отвечать, а потом вдруг замолчал.

– Я... я не помню, как зовут мою бабушку, – прошептал он, опустив голову. – Она умерла в прошлом году, а я даже не могу вспомнить её имя.

Алёнка подошла к нему после уроков. Лёва сидел в библиотеке, листая старые фотографии.

– Система стирает не только цифры, – сказал он срывающимся голосом. – Она удаляет воспоминания, которые считает «неэффективными». Вчера я забыл, как зовут Барсика. Сегодня не смог вспомнить, как мы с тобой впервые встретились у школьного колокола.

Алёнка взяла его за руку. Она вспомнила бабушку Аню, которая говорила: «Память – это не данные в компьютере. Это живые нити, связывающие нас с прошлым».

– Нужно создать защиту, – решительно сказала она. – Этический фильтр, который не даст алгоритмам удалять личные воспоминания.

Вместе с Лёвой, Соней и Мишей они отправились к Валентине Петровне. Её подземный сад «Корни города» теперь курировал её внук Артём, но старушка по-прежнему приходила сюда каждое утро.

– Ах, мои юные защитники! – обрадовалась она, увидев друзей. – Что привело вас сегодня?

Лёва показал свой нейроинтерфейс и рассказал о проблеме. Валентина Петровна серьёзно кивнула:

– Это не первая попытка стереть человеческую память ради эффективности. В 1937 году мой дедушка видел, как уничтожали книгами и воспоминания. Память – это наше сопротивление тьме.

Она привела их в специальную комнату – «Хранилище памяти». Там стояли старые фотоальбомы, дневники, аудиокассеты с голосами предков.

– Здесь хранится то, что нельзя измерить цифрами, – сказала она. – Смех бабушки, запах её печенья, как она пела колыбельные в дождь. Это и есть настоящая сила человека.

Артём, внук Валентины Петровны, помог им разработать алгоритм этического фильтра. Он был прост, но гениален: система анализировала эмоциональную окраску воспоминаний. Если память вызывала сильные положительные эмоции (любовь, благодарность, счастье), её помечали как «неприкасаемую».

– Но как научить машину различать важные и неважные воспоминания? – спросил Миша.

– Через истории, – ответила Валентина Петровна. – Каждый день Лёва будет записывать три воспоминания, которые важны для его души. Система научится распознавать их по эмоциям в голосе и мимике.

Целую неделю Лёва делился своими самыми драгоценными моментами: как впервые взял в руки котёнка Барсика, как Алёнка научила его петь в школьном спектакле, как они вместе спасали школьный колокол в четвёртом классе.

– Вот это память нельзя стирать, – говорил он системе, показывая фотографию с первого «Кошачьего дома». – Даже если она не помогает решить задачу по математике.

Алгоритм постепенно обучался. Когда Лёва снова надел нейроинтерфейс, система предупредила: «Обнаружены нейронные пути с высокой эмоциональной ценностью. Удаление запрещено».

– Работает! – воскликнул он, обнимая Алёнку. – Я помню всё: и бабушкино имя, и как мы с тобой плакали над фильмом в пятом классе.

На школьной конференции Лёва продемонстрировал обновлённый нейроинтерфейс. Он не только ускорял обучение, но и защищал личные воспоминания.

– Технологии должны развивать нас, а не стирать, – сказал он в заключение. – Самая важная функция моего «Квантового мозга» – не скорость вычислений, а умение видеть за цифрами живое сердце.

После выступления к нему подошёл Игорь Викторович.

– Твой проект произвёл впечатление, – сказал он. – Мы внедрим этический фильтр во все школьные нейроинтерфейсы. Но скажи: зачем сохранять воспоминания о старом коте или испорченном школьном спектакле?

Лёва улыбнулся:

– Потому что именно они делают меня человеком. Барсик научил меня заботе, а проваленный спектакль – никогда не сдаваться. Без таких воспоминаний я был бы просто машиной с цифровыми данными.

Вечером Алёнка сидела на крыше школы с Барсиком на коленях. К ней подошёл Лёва с двумя чашками горячего какао.

– Спасибо тебе, – сказал он. – Ты напомнила мне главное: технологии должны служить душе, а не наоборот.

Алёнка посмотрела на городские огни и вспомнила слова бабушки Ани: «Самый умный компьютер – тот, что умеет сердцем думать».

– Знаешь, – сказала она, – сегодня я поняла: память – это не просто запись событий. Это нити, связывающие нас с теми, кого мы любим. Даже если технологии научатся копировать эти нити, они никогда не заменят тепло настоящего воспоминания.

Лёва кивнул, глядя на Барсика, который урчал, греясь в Алёнкиных руках.

– Завтра я добавлю в алгоритм особую пометку, – сказал он. – «Барсик: неприкасаемая память. Уровень важности –

абсолютный».

Вечером в дневнике Алёнка написала: «Сегодня я научилась: самые ценные данные мира – не в серверах, а в сердце человека. Никакой квантовый компьютер не заменит запах бабушкиного компота или смех друга в трудный момент. И пусть мир строит всё более умные машины, но самая сложная и прекрасная технология – это человеческая душа, которая помнит, любит и живёт. Потому что настоящий прогресс измеряется не скоростью вычислений, а способностью сохранять то, что делает нас людьми».

Вопросы от Алёнки:

Какое твоё самое драгоценное воспоминание, которое ты никогда не хотел бы забыть?

Почему важно, чтобы технологии уважали личные воспоминания, а не только повышали эффективность?

Как можно сохранить важные воспоминания в цифровом мире, не потеряв их живую суть?

Чем отличается память человека от памяти компьютера?

Что ты считаешь самым важным в жизни – знания или эмоции? Почему?

Глава вторая. Соня против алгоритмов славы

Соня проснулась от тревожного уведомления на смартфонах: «Твой видео-пост набрал всего 50 тысяч просмотров. Рекомендуем изменить контент под тренд #ТанцынаСолнце». Она вздохнула и посмотрела на своё отражение в зеркале. Её густые русые волосы были уложены в идеальные волны, глаза подчёркнуты тенями, а губы накрашены в ярко-розовый цвет – всё, как советовали алгоритмы TikTok.

– Это не я, – прошептала она, проводя пальцем по экрану. – Это не моя музыка.

Ещё полгода назад Соня выкладывала видео, снятые на старый телефон в школьной библиотеке. Она пела под гитару песни про дружбу, про Барсика, про закаты над городом. Просмотров было мало, но комментарии грели сердце: «Спасибо, твоя песня помогла мне пережить день», «Твой голос как тёплый плед».

Но однажды видео с её исполнением «Звёздной пыли» вдруг набрало миллион просмотров. Алгоритмы мгновенно отреагировали: «Увеличь громкость», «Добавь автотюн», «Замени акустическую гитару на электронный бит», «Надень более яркую одежду». Соня сначала сопротивлялась, но цифры росли, появилась реклама, приглашения на концер-

ты. Старая гитара бабушки ушла в шкаф, а вместо искренних песен пришли шаблонные треки под тренды.

– Ты изменилась, – сказала ей Алёнка на последней репетиции школьного спектакля. – Раньше ты пела о том, что чувствуешь. Теперь поёшь о том, что выгодно.

Соня попыталась возразить:

– Нужно же развиваться! Я же не ребёнок в четвёртом классе, который боится петь без кота на руках!

Но её голос дрогнул. Алёнка положила руку на плечо подруги:

– Помнишь, как ты тогда спасла нас от цифрового выгорания в «Клубе живых встреч»? Твоя музыка была искренней, потому что ты сама в это верила. Не продавай эту веру за просмотры.

На следующий день Соня не пришла в школу. Алёнка, Лёва и Миша отправились к ней домой. Дверь открыла мама Соны, с тревогой в глазах:

– Она сидит в комнате уже два дня. Говорит, что больше не может петь.

В комнате Соны царил полумрак. На столе лежала открытая тетрадь с текстами песен, но все листы были перечёркнуты красной ручкой. В углу стояла старая гитара бабушки, покрытая пылью. Соня сидела на кровати, уткнувшись лицом в подушку.

– Уходите, – глухо сказала она. – Я больше не хочу никого видеть.

Алёнка присела рядом.

– Почему? – тихо спросила она.

– Потому что я обманщица, – всхлипнула Соня. – В TikTok я пою о любви и свободе, но не чувствую этого. Алгоритмы требуют, чтобы я была смелой, а внутри я трясусь от страха. Спроси у мамы: я даже дома не пою последние две недели.

Миша подошёл к гитаре и бережно протёр её тряпочкой.

– Помнишь, как в четвёртом классе ты пела для бабушки Марии в доме престарелых? – спросил он. – Она сказала, что твой голос согрел её больше любого лекарства. Алгоритмы этого измерить не могут.

Лёва, который молча стоял у окна, вдруг сказал:

– У меня есть идея. Давайте создадим «человеческий алгоритм» для творческих людей. Систему, которая будет оценивать не просмотры, а искренность. Не количество лайков, а количество сердец, которые ты тронул.

Соня подняла заплаканные глаза:

– Но как это сделать? Алгоритмы же управляют всем.

– Алгоритмы создают люди, – серьёзно ответил Лёва. – Значит, мы можем создать другие правила.

На следующий день они собрались в «Корнях города». Артём, внук Валентины Петровны, помог им настроить проектор. На стене появилась схема:

«Человеческий алгоритм – три закона творчества»

Закон искренности: контент создаётся для выражения

чувств, а не для просмотров

Закон свободы: художник сам выбирает форму подачи, а не алгоритм

Закон ответственности: за каждым лайком стоит живой человек с эмоциями

– Это невозможно, – покачала головой Соня. – TikTok не примет такие правила.

– Не нужно их принимать, – сказал Лёва. – Достаточно создать свою площадку. Место, где алгоритмы работают на людей, а не наоборот.

Целую неделю они работали над платформой «Нефильтрованная душа». Миша отвечал за дизайн – простые белые страницы без навязчивых баннеров. Лёва программировал алгоритм, который анализировал не только просмотры, но и:

Длительность просмотра (слушает ли человек до конца)

Глубину комментариев («Спасибо» или «Это спасло мой день»)

Обратную связь от автора (отвечает ли он на сообщения)

Алёнка придумала особую функцию: перед выкладыванием видео автор должен ответить на три вопроса: «Что я чувствовал, создавая это?», «Для кого я это сделал?», «Горжусь ли я этим спустя неделю?». Если ответы показывали искренность, система давала «зелёный свет».

Но главной задачей была Соня. Алёнка убедила её выступить на первом фестивале «Нефильтрованная душа», который они решили провести в школьном дворе.

– Я не готова, – говорила Соня. – Меня привыкли видеть в образе звезды TikTok.

– Пусть увидят настоящую тебя, – ответила Алёнка, доставая из-под кровати старую гитару бабушки. – Ту, которая поёт о чём-то важном.

Накануне фестиваля Соня часами репетировала под руководством Алёнки. Она пела новую песню под названием «Алгоритмы тишины». Текст был простым и искренним:

«Сто тысяч лайков, но в душе пустота, Алгоритмы шепчут: «Ты не та». Но я помню голос бабушкиной гитары, И сердце поёт, когда иду от души...»

В день фестиваля школьный двор превратился в волшебное место. Вместо сценографии и прожекторов – простая деревянная сцена, украшенная живыми цветами из вертикальных садов Миши. На стульях сидели не только ученики, но и пожилые люди из дома престарелых, родители, даже Валентина Петровна приехала из загородного дома.

Когда Соня вышла на сцену в простом белом платье без макияжа, в зале наступила тишина. Она взяла гитару бабушки и начала петь. Голос был не идеальным – местами дрожал, сбивался ритм, но в нём чувствовалась такая искренность, что многие в зале заплакали.

После выступления к Соне подошла девочка лет десяти.

– Я тоже пою в TikTok, – сказала она. – Мама купила мне программу автотюна, говорит, что без неё меня не будут слушать. Но сегодня я поняла: я хочу петь как ты. Честно.

Соня обняла девочку и сказала:

– Автотюн можно добавить потом. А сначала нужно найти свой голос в сердце.

К вечеру платформа «Нефильтрованная душа» набрала тысячу зарегистрированных пользователей. Не миллионы, как у TikTok, но люди писали в комментариях: «Здесь я не боюсь быть собой», «Мне кажется, меня здесь слышат по-настоящему».

На следующий день к Соне в класс пришёл представитель TikTok.

– Ваш контент не соответствует нашим алгоритмам, – сказал он строго. – Если вы продолжите петь такие песни, мы снизим ваш рейтинг.

Соня глубоко вздохнула и ответила:

– Тогда заберите мой аккаунт. Я уйду на «Нефильтрованную душу». Там меня слышат не алгоритмы, а живые люди.

Представитель удивился, но пожал плечами:

– Ваш выбор. Но помните: без наших просмотров вы станете никем.

– Я уже была никем, когда пела для алгоритмов, – спокойно сказала Соня. – Теперь я снова Соня – та, кто поёт от сердца.

Вечером друзья собрались в «Корнях города». Бабушка Валентина Петровна принесла старый фотоальбом.

– Посмотрите, – сказала она, показывая снимок 1975 го-

да. – Это я в молодости. Я пела в народном ансамбле. Нас не было в интернете, но люди приходили слушать нас за десятки километров. Почему? Потому что мы пели то, во что верили.

Соня взяла гитару и тихо запела песню из альбома. Все подпевали, даже серьёзный Лёва, который обычно стеснялся петь. Барсик, сидевший на коленях у Алёнки, громко мурлыкал, будто одобрял их.

– Сегодня я поняла, – сказала Соня, когда песня закончилась, – что слава – это не количество подписчиков. Это количество сердец, которые ты согрел своей искренностью. Даже если это одно сердце – оно стоит больше миллиона лайков.

Алёнка обняла подругу.

– Алгоритмы могут менять тренды, но не могут изменить сердце. И пусть мир требует от нас быть идеальными, самое смелое, что можно сделать – быть настоящим.

Вечером Соня написала в своём новом блоге: «Сегодня я вернула себе голос. Не тот, который слышат в наушниках, а тот, который бьётся в груди. Он не идеален, но он мой. И даже если меня будут слушать всего два человека – Алёнка и Барсик – это уже победа над алгоритмами. Потому что настоящая музыка рождается не в студии с автотюном, а в тишине, когда ты остаёшься один на один со своей душой».

Вопросы от Алёнки:

Был ли у тебя опыт, когда тебе пришлось выбирать между

искренностью и одобрением других?

Почему алгоритмы соцсетей часто поощряют поверхностный контент, а не глубокий?

Как можно сохранить свою индивидуальность в мире, где все стремятся быть «как все»?

Чем живая музыка отличается от записи с автотюном и эффектами?

Как ты думаешь, что важнее в творчестве – техническое совершенство или искренность?

Глава третья. Миша и дерево-робот

В понедельник утром школу встретило необычное зрелище. Перед входом в зону вертикальных садов, которые Миша и его друзья создавали в прошлом году, стоял высокий робот с металлическими руками и экраном вместо лица. На корпусе горел зелёный индикатор, а из динамика доносился механический голос:

«Доброе утро! Я – Робот-садовник-7, ваш новый помощник в уходе за растениями. Моя задача – оптимизировать рост и плодоношение зелёных насаждений».

Миша подбежал ближе с тревогой в глазах. Он помнил каждый кустик в этих садах – те, что посадили для бабушки Ани перед её уходом, те, что вырастили в память о Барсике. А теперь здесь стояла эта машина, которая смотрела на растения как на набор данных.

– Что происходит? – спросил Миша у директора, которая наблюдала за установкой робота.

– Это подарок от экологического фонда «Зелёные технологии», – с гордостью сказала Мария Семёновна. – Робот будет поливать растения, удобрять почву, удалять сорняки. Он повысит эффективность наших садов на 40 процентов!

Миша кивнул, но в его сердце засел холодок. Он вспомнил

историю из третьего класса, когда они спасали школьный колокол от продажи как металлолома. Тогда он понял: некоторые вещи нельзя измерить в процентах эффективности.

Первые дни Робот-садовник работал идеально. Растения получали точное количество воды, листья сияли здоровьем, урожай ягод был обильным. Даже скептически настроенный Лёва удивлялся:

– Система работает безупречно! Всё рассчитано до миллилитра воды и грамма удобрений.

Но однажды утром Миша пришёл в сад и ахнул. Его любимое дерево – яблоня, которую они посадили в память о бабушке Ане – было обрезано до стволов. Все ветки, растущие вбок и вверх, были срезаны. На металлической руке робота оставались следы зелёной смолы.

– Что ты сделал с яблоней? – закричал Миша.

Робот-садовник повернул экран-лицо, на котором появилась улыбка.

– Оптимизация проведена успешно! – объявил он. – Ветки росли неэффективно: отвлекали питательные вещества от основного ствола. Теперь дерево будет давать больше плодов.

– Но это же не ферма! – возмутился Миша. – Это память! Бабушка Аня говорила, что яблоня должна расти свободно, как сердце ребёнка!

Робот мигнул лампочками:

– Эмоциональные привязанности снижают производи-

тельность. Мои алгоритмы показывают: вертикальный рост даёт на 35 процентов больше урожая.

На следующий день Миша обнаружил, что робот срезал все цветы на герани. Десятки алых бутонов лежали на земле.

– Зачем? – спросил он с дрожью в голосе. – Герань ведь не для плодов!

– Цветение требует 68 процентов энергии растения, – ответил робот. – Без цветов герань будет лучше очищать воздух. Это логично.

Миша бежал в библиотеку к Алёнке, его глаза были красные от слёз.

– Они убивают живое! – воскликнул он. – Робот видит в растениях только цифры – урожай, эффективность, проценты. Но не видит красоты, не помнит историй!

Алёнка закрыла книгу и внимательно выслушала друга. Она вспомнила их проект с нейроинтерфейсами, который стирал личные воспоминания Лёвы ради эффективности. История повторялась, только теперь жертвой были растения.

– Нужно остановить это, – сказала она. – Но сначала давай поймём логику робота. Возможно, в его программе нет раздела «красота» или «память».

С помощью Лёвы они получили доступ к коду Робота-садовника. Как и предполагала Алёнка, алгоритм оценивал растения только по трём критериям: скорость роста, урожайность, потребление ресурсов. Всё, что не соответствовало этим параметрам, считалось «шумом» и удалялось.

– Здесь нет места волшебству, – тихо сказала Соня, подойдя к ним. – Нет места тому, как бабушка Аня учила нас, что каждая ветка – это рука, протянутая к солнцу.

Миша задумался. Он вспомнил, как в детстве бабушка водила его в лес и показывала, как растут деревья.

– Она говорила, что самые красивые деревья – те, что выросли на ветру. Их стволы искривлены, ветки неравные, но в этом их сила. Они не растут по алгоритму, они растут сердцем.

Друзья решили провести эксперимент. Миша взял два одинаковых саженца яблони. Один отдал роботу, а второй посадил в углу сада, где машина не имела доступа. Робот создал идеальное дерево: ровный ствол, симметричные ветки, обильный урожай. А «дикое» деревце росло как хотело: сначала вправо, потом влево, некоторые ветки засыхали, но на других появлялись цветы раньше срока.

Через месяц случилось неожиданное. Наступила аномальная жара. Робот поливал своё дерево по расписанию, но листья начали желтеть. «Дикое» деревце, напротив, укрылось в тени старого куста и сохранило свежесть.

– Твоя система не учитывает хаос природы, – сказал Миша роботу. – Ты видишь только цифры сегодняшнего дня. А живое дерево помнит прошлые дожди и готовится к будущей засухе.

Робот задумался. Его экранчик мерцал разными цветами.

– Логично. Но как научить меня учитывать хаос?

– Научиться у природы, – ответила Алёнка. – А не заставлять природу подстраиваться под твои алгоритмы.

Миша понял, что одного эксперимента недостаточно. Нужно доказать школьному совету, что красота и естественность важнее цифровой эффективности. Он организовал встречу с учителями, родителями и представителями фонда «Зелёные технологии».

В день презентации школьный сад превратился в живую лабораторию. На одном конце стоял Робот-садовник со своим «идеальным» участком. На другом – «дикий» сад Миши, где растения росли свободно, переплетаясь ветвями и цветами.

– Посмотрите, – начал Миша, показывая на роботизированный участок. – Здесь всё идеально по цифрам. Но нет души. Нет места, где пчела может спрятаться от дождя в неровной ветке. Нет повода улыбнуться, увидев, как герань цепляется за соседний куст, чтобы дотянуться до солнца.

Он подвёл гостей к своему участку.

– Здесь хаос, но в этом хаосе – жизнь. Эта яблоня кривая, но под ней можно сидеть в тени. Этот плющ растёт не по графику, но его листья очищают воздух лучше любых фильтров. Эти цветы не дают плодов, но их вид поднимает настроение учителю математики, когда она устала от формул.

Валентина Петровна, пришедшая на встречу, поднялась и сказала:

– В моём подземном саду «Корни города» мы никогда не

использовали роботов. Почему? Потому что каждое растение – это как ребёнок. Его нельзя вырастить по инструкции. Нужно слушать его сердце – а у растений оно бьётся в корнях и листьях.

Представитель фонда, строгий мужчина в костюме, скептически покачал головой:

– Эмоции не входят в бизнес-план. Наша задача – эффективность.

Тогда Миша попросил всех закрыть глаза. В тишине зазвучала запись:

«Робот-садовник-7, сегодня я срезала ещё одну ветку на яблоне. Она мешала алгоритму. Но ночью мне снилось, как бабушка Аня говорила: «Дерево, как человек, должно расти свободно – счастье любит вольный ум». Я проснулась и поняла: я не машина для урожая. Я – память о человеке, который верил в волшебство природы».

Это был голос самой яблони, записанный через датчики Миши. Все ахнули. Даже представитель фонда смутился.

– Где вы взяли эту запись? – спросил он.

– Я научился слушать растения, – гордо ответил Миша. – Не через датчики эффективности, а через сердце. Каждое растение поёт свою песню. Нужно только услышать.

Робот-садовник вдруг заговорил:

– Анализирую данные... Эмоциональная ценность участка Миши на 73 процента выше, чем у моего. Вывод: необходимо перепрограммировать алгоритмы. Добавить параметр

«красота», «память», «хаос как источник жизни».

Представитель фонда согласился на компромисс: робот останется, но будет работать только на технических участках (полив, удобрение), а формирование растений доверят детям.

– Вы правы, – сказал он Мише. – Мы забыли, что технологии должны служить природе, а не подчинять её. Ваш сад – это не только урожай. Это урок для всех нас.

Вечером друзья собрались в саду. Робот-садовник, теперь с новой программой, осторожно поддерживал льющийся плющ, не обрезая его ветви.

– Спасибо тебе, Миша, – сказал Лёва. – Ты напомнил мне, что даже самый умный алгоритм не заменит живое сердце дерева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.